

УДК 94(3):929

СПАРТАНСКИЙ ЦАРЬ ЛЕОНИД: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.А. Чиглинцев, Н.А. Шадрин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается история жизни и деятельности спартанского царя Леонида и интерпретация его образа в европейской культуре Нового и Новейшего времени. У Геродота фигура Леонида многопланова в силу догадок и трактовки имеющихся фактов, за что отца истории критикует Плутарх, и это признаёт Павсаний. В трудах указанных древнегреческих авторов содержатся все те варианты репрезентации спартанского царя, которые вызрели в последующие эпохи. Обращение европейцев к образу Леонида определяется теми социокультурными условиями, в которых возникла потребность в актуализации событий V в. до н. э. (антииранские идеи и культ свободы XVII – XVIII вв., мировые войны XX в.). Во второй половине XX в. и в первом десятилетии XXI в. в общественном (массовом) сознании происходит трансформация: спартанский царь более не трагическая личность, а персонаж, воплощающий стереотипные представления о герое.

Ключевые слова: история, рецепция, европейская культура, царь Леонид, образ, массовое сознание

---

*Честь вечная и память тем,
кто в буднях жизни воздвиг
и охраняет Фермопилы.*

Константинос Кавафис

Образ царя Леонида сложился в Античности главным образом благодаря тем сведениям, которые оставил нам Геродот. Они, конечно же, не полны, но содержат все те варианты репрезентации, которые имели и продолжают иметь место в культурах последующих эпох. Во-первых, это биографические данные – факт рождения Леонида, информация о предках, некоторые перипетии его жизни, сведения о подвиге, гибели и памяти соотечественников. Во-вторых, это символическое наполнение образа спартанского царя, отражающее систему ценностей спартиатов (шире эллинов), представления о воинской доблести греков, проявившейся в сражении при Фермопилах, и цивилизационный противовес – описание врага, то есть персов, а на личностном уровне – Ксеркса.

Что касается сведений о жизни царя Леонида, для Геродота важным является не столько сам факт рождения от определённых отца и матери, хотя перипетии драматичной гонки за первородством и правом на престол описываются

им в пятой книге «Истории» (Hdt. V, 41), сколько перечисление предков Леонида. Сообщив, что у каждого города в противостоянии у Фермопил «были свои особые военачальники», он подчёркивает, что всё-таки «особенно достоин восхищения» тот, кто возглавлял всё войско – «главный начальник... лакедемонянин Леонид, сын Анаксандрида, потомок...», и далее по восходящей перечисляет имена девятнадцати предков, самым древним называя Геракла (Hdt. VII, 204). Вольно или невольно Геродот закладывает здесь основания для героизации Леонида в духе мифологической традиции. Да, он не сын божества и смертного человека, но он потомок героя, возможно, даже его своеобразная эпиклеза.

Далее у Геродота упоминание имени Леонида как прямого действующего лица, субъекта идёт весьма редко, но при этом отмечаются события, которые, видимо, не могли происходить без его руководства. Итак, с одной стороны, читаем: «Так-то Леонид вступил на престол, потому что был старше Клеомброта (тот был младшим сыном Анаксандрида) и, кроме того, потому что был женат на дочери Клеомена (Горго. – *Е. Ч., Н. Ш.*). Этот Леонид пришёл в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в 300 человек и притом таких, у кого уже были дети. По пути туда он присоединил к своему отряду... фиванцев... Леонид так поспешно присоединил к себе только одних фиванцев из всех эллинов именно потому, что над ними тяготело тяжкое подозрение в сочувствии мидянам» (Hdt. VII, 205). Или: «...Леонид принял решение оставаться там и послать вестников в города с просьбой о помощи, так как у них слишком мало войска, чтобы отразить нападение мидийских полчищ» (Hdt. VII, 207). Наиболее ярко образ Леонида предстаёт в прямых свидетельствах Геродота о его действиях в последнем бою: «Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется... Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. <...> Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой» (Hdt. VII, 223). «В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев» (Hdt. VII, 224). Наконец, свидетельства о попытках спартанцев защитить тело погибшего Леонида (Hdt. VII, 225) и о надругательствах над телом погибшего царя, предпринятых Ксерксом, жестокость которых Геродот объясняет одним: «никого из своих врагов при жизни царь Ксеркс не ненавидел столь яростно, как Леонида. Иначе никогда бы он не учинил такого надругательства над телом павшего» (Hdt. VII, 238). Между тем переводчик и комментатор Геродота Г. А. Стратановский предлагает и свой вариант объяснения этой расправы: так в Персии наказывали мятежников, посмевших выступить против правящего царя.

Затем представлены в основном косвенные свидетельства о Леониде, где он выступает в качестве объекта, исполняющего чью-то волю, например богов. Геродот приводит также сведения о прорицателе Мегистии, который «предсказал Леониду грядущую судьбу по внутренностям жертвенных животных» (Hdt. VII, 221), а также об оракуле, что для сохранения Спарты предрекал растерзание на куски царя «из Гераклова рода», обладающего «львиной силой» (Hdt. VII, 220). Леонид упоминается и в связи со своими обязанностями военачальника,

подчиняющегося приказу, независимо от знатности происхождения и высоты положения. Например: «Отряд же этот во главе с Леонидом спартанцы выслали вперёд для того, чтобы остальные союзники видели это и также выступили в поход» (Hdt. VII, 206). Или возьмём обращённое к Ксерксу заявление Демарата: «Ныне ты идёшь войной на самый прославленный царский род и на самых доблестных мужей в Элладе» (Hdt. VII, 209), при этом Ксеркс уже заранее знал, с кем имеет дело: «Ведь ещё в Фессалии царь получил сведения, что в Фермопилах собрался маленький отряд под начальством лакедемонян и Леонида из рода Гераклидов» (Hdt. VII, 208). Геродот передаёт, помимо прочего, впечатления от происходящего, якобы возникающие в мыслях Ксеркса, который четыре дня ждал, что спартанцы обратятся в бегство, считая их нежелание уйти проявлением «наглого безрассудства» (Hdt. VII, 210), при этом в первом же столкновении «можно сказать, всем стало ясно, и в особенности самому царю, что людей у персов много, а мужей [среди них] мало» (Hdt. VII, 210). В следующем бою, где в дело вступают «бессмертные», персам не помог даже их численный перевес: «Лакедемоняне же доблестно бились с врагом и показали свою опытность в военном деле перед немелым врагом, между прочим, вот в чём. Всякий раз, когда они время от времени делали поворот, то все разом для вида обращались в бегство. При виде этого варвары с боевым кличем и шумом начинали их теснить. Спартанцы же, настигаемые врагом, поворачивались лицом к противнику и поражали несметное число персов» (Hdt. VII, 210). Сразу подчеркнём, что в художественных произведениях (см. ниже) эта тактика персонифицируется, исходит от Леонида.

Иногда Геродот передаёт несколько версий событий, в каждой из которых роль Леонида представлена по-разному. Как только стало ясно, что персы обходят и все, кто останется в ущелье, погибнут, «эллины стали держать совет, и их мнения разделились», как результат войско распадается: «часть его ушла и рассеялась, причём каждый вернулся в свой город; другие же и с ними Леонид решили оставаться» (Hdt. VII, 219). Однако Геродот более благосклонен к другой версии: «Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартамцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их как раз и послали» (Hdt. VII, 220). Дальше: «Я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь неохотно подвергаются опасности вместе с ним, и поэтому велел им уходить. А сам он считал постыдным отступить. Если, думал Леонид, он там останется, то его ожидает бессмертная слава и счастье Спарты не будет омрачено. Ибо когда спартанцы воспросили бога об этой войне (ещё в самом начале её), то Пифия изрекла им ответ: или Лакедемон будет разрушен варварами, или их царь погибнет» (Hdt. VII, 220). Геродот вслед приводит некоторые доводы в пользу своей версии, что «отпущенные союзники ушли по приказу Леонида» (Hdt. VII, 222), попутно давая очень важную характеристику Леониду: «А так как он желал стяжать славу только одним спартамцам, то, по-моему, вероятнее, что царь сам отпустил союзников, а не они покинули его из-за разногласий, нарушив военную дисциплину» (Hdt. VII, 220).

В последующих книгах Геродота имя Леонида также присутствует, особенно в связи наследованием власти и с идеей мести Ксерксу за надругательство над телом царя.

Благодаря всем перечисленным ранее свидетельствам, представленный нам Геродотом образ Леонида приобретает некоторую многоплановость, правда, прежде всего за счёт домыслов и интерпретации имеющихся фактов. Именно по этому поводу критикует Плутарх отца истории в своём сочинении «О злокозненности Геродота», в котором присутствует образ Леонида¹. Конечно, здесь он присутствует постольку, поскольку Плутарх объявляет лживым наветом Геродотово утверждение, что фиванцы предательски отнеслись к общеэллинским интересам в борьбе с персами, и потому Леонид не отпустил их от Фермопил, как всех остальных, а заставил сражаться в качестве заложников. Плутарх восклицает: «Неужели же царь спартанцев и вождь всей Эллады был так глуп, что, имея только триста воинов, стал бы удерживать при себе в качестве заложников четыреста тяжелооружённых, хотя в это время и спереди и сзади уже теснили его враги?» (Plut. XXXI, 865c). Вызывает удивление Плутарха и то объяснение, которое предлагает Геродот по поводу отпуска всех союзников: не делиться славою с другими греками. «Ведь было бы верхом тупоумия – отослать союзников, чтобы не делиться с ними военной славой, а врагов удержать у себя, чтобы дать им возможность участвовать в этой славе? Из того, что произошло, ясно обратное, – что Леонид не только не считал фиванцев предателями, но видел в них надёжных друзей» (Plut. XXXI, 865e). Получается, говорит Плутарх, что «не только Ксеркс, но и Леонид имел биченосцев, следовавших за войском и заставлявших фиванцев вопреки их желанию сражаться, подгоняя их бичами» (Plut. XXXIII, 866d). В сочинении «О злокозненности Геродота» Плутарх обещает рассказать в биографии Леонида о «всех тех подвигах и метких речениях спартанцев, которые опустил Геродот», дав «неверную картину величайшего подвига Леонида» (Plut. XXXII, 866a-b). Чтобы показать, что упущено Геродотом, Плутарх рассказывает о погребальных играх, устроенных перед выступлением Леонида из Спарты и приводит его ответ на замечание, что он ведёт слишком мало людей: «Слишком много – ведь они обречены на смерть» (Plut. XXXII, 866b). Упоминается и прощальное пожелание жене: «Желаю тебе доброго мужа и добрых детей» (Plut. XXXII, 866b-c), а также отказ двух соратников, нарушивших приказ Леонида покинуть войско и отправиться с письмом в Спарту. «Если бы кто-нибудь другой опустил эти факты, это было бы простительно», но Геродоту нет, так как «он сделал это из пристрастного нерасположения к некоторым из греков» (Plut. XXXII, 866d).

В «Описании Эллады» Павсания нет подробного рассказа о жизни или подвиге Леонида. Между тем именно он даёт тот образ, который впоследствии станет общепринятым (не считаем уместным в данном случае слово «стереотипный»). Павсаний пишет: «Много было войн и у греков и у варваров между собою, но легко перечислить те, которым доблесть одного человека дала величайшую славу; так, Ахилл прославил войну под Илионом, а Мильтиад – Марафонский бой. Но мне кажется, что подвиг выполненного Леонидом долга превзошёл все подвиги и до и после этого времени» (Paus. III, 4, 7–8).

¹ Нужно сказать, что биография Леонида из «Сравнительных жизнеописаний» (Plut. Vit.) до нас не дошла, но, судя по критике Геродота, это было бы что-то оригинальное и интригующее.

С эпохи Возрождения и раннего Нового времени обращение к образу царя Леонида связано с теми социокультурными условиями, в которых возникла потребность в актуализации событий V в. до н. э.

Философ и мыслитель М. де Монтень, основатель жанра эссе в мировой литературе, вплетает упоминание о царе Леониде в одно из таких произведений – «О каннибалах» (глава XXXI книги первой его «Опытов» (*Les Essais*, 1580)). Многочисленным примерам автор предпослал скептическую сентенцию: «Это показывает, с какой осторожностью следует относиться к общепринятым мнениям, а также, что судить о чём бы то ни было надо, опираясь на разум, а не на общее мнение» [1, с. 224]. При этом в поисках парадоксов он приходит к двум следующим высказываниям: «Самые доблестные бывают порой и самыми несчастливими. Бывают поражения, слава которых вызывает зависть у победителей» [1, с. 234]. Иллюстрацией и служит противопоставление славы четырёх великих побед эллинов в Греко-персидских войнах – при Саламине, при Платеях, при Микале и в Сицилии («прекраснейшие из всех, какие когда-либо видело солнце») – «славе поражения царя Леонида и его воинов в Фермопильском ущелье» [1, с. 234]. Тем самым Монтень несколько противоречит своему скептицизму и, всё-таки принимая, воспроизводит тот самый общепринятый ещё с Античности, ставший стереотипным образ спартанского царя.

Оригинальный пример обращения к образу царя Леонида предлагает французский писатель, священник и педагог Ф. Фенелон. В начале XVII в. он пишет сочинение, которое называется «Диалоги мёртвых» (*Dialogues des morts*, 1700–1717). В нём в свободной сатирической форме воображаемых диалогов известных мифических героев, исторических персонажей от древности до своего времени представлялись формы и способы государственного правления. Один из диалогов – одиннадцатый – ведут на берегу Стикса Ксеркс и Леонид. Суть его выражается в начальной сентенции: «Непобедимыми государей делают мудрость и величие, а не большое количество подданных или неограниченная княжеская власть»² [2, р. 187]. Леонид подчёркивает, что, в отличие от персидского царя, вовсе не рад этой встрече, полагая, что Ксерксу уместнее находиться в окружении своих подданных (прежде всего рабов и биченосцев), а не рядом с царём, который служит правде и закону. Далее весь диалог сводится к развенчанию деспотического режима персидского царя, а Леонид предстаёт как бескорыстный правитель (все сатрапы персидского царя жили, купаясь в золоте, о чём говорит в диалоге и сам Ксеркс) и замечательный полководец, признанный таковым даже своим противником.

Примечательно присутствие в творчестве английского поэта, писателя и политического деятеля Р. Гловера поэмы «Леонид» (*Leonidas*, 1737). В ней достаточно полно описана защита Фермопил эллинами во главе с Леонидом. В основу повествования положены сведения античных авторов: Геродота, Плутарха, Павсания. О них подробно поэт пишет в предисловии к своему сочинению [3, р. 16, 18–21]. В поэме весьма ярко проявляются и лаконофильские настроения: автор считает, что подвиг спартанцев и их царя остаётся в памяти наций даже через временную дистанцию, а добродетель Леонида есть предмет

² Перевод здесь и далее наш. – Е.Ч., Н.Ш.

восхищения и похвалы [3, р. 22]. И, конечно же, в поэме утверждается превосходство свободы над рабством [2, р. 185], а в одной из речей Леонида говорится, что, несмотря на предсказания оракула, в его сердце продолжает жить добродетель свободы [3, р. 206–207]. Подчеркнём: Античность здесь включена в политическую борьбу через бытование в англо-шотландской поэзии. Ярким её представителем был Дэвид Малле, который при своём становлении воспринял идеи Ричарда Гловера и, как утверждает С. Янг, написавший о нём монографию, образ Леонида у Гловера нужно рассматривать в сопряжении с явно антитиранической поэмой «Брут» самого Малле [4, р. 94].

Европейское искусство первой половины XIX в., пережившее переход от неоклассицизма к романтизму, также вдохновляется образом Леонида в связи с героизацией борьбы за свободу. Особо нужно отметить знаменитую картину кисти Ж.-Л. Давида «Леонид при Фермопилах» (*Léonidas aux Thermopyles*, 1814)³. Центральным её персонажем является присевший на обломок скалы царь Леонид, обнажённый и вооружённый мечом, копьём, с большим круглым щитом, перевязью доспехов и в шлеме. На своём полотне Давид показывает не сам бой, а подготовку к нему. Основная смысловая символическая нагрузка при этом ложится на несколько групп персонажей, почти не имеющих никакой исторической достоверности. Символ воинского жертвоприношения – Агис, брат Леонида, с венком на голове; символом соединения воинского опыта и молодости, приносимой на алтарь борьбы с врагом, стали слепой гоплит Эврит с копьём и воины, целующие женщин перед битвой и готовые принять смерть. О готовности к доблестной смерти свидетельствуют два трубача над их головами и воин, который, должен выгравировать надпись о славной гибели спартанцев. Наконец, символичен и расположенный рядом с фигурой Леонида алтарь Геракла, предка спартанского царя.

Согласно воспоминаниям, Наполеон многие годы являлся покровителем Давида. Это полотно он увидел весной 1815 г., по возвращении из ссылки. В мастерской художника состоялся диалог, в ходе которого на вопрос, может ли побеждённый быть героем картины, Наполеон отвечает, что имя Леонида единственное дошло до нас, остальные же затерялись в истории [5, р. 35]. При желании здесь можно усмотреть мистическое предзнаменование: до битвы при Ватерлоо, поражение в которой привело к окончательному отречению Наполеона от власти, несколько недель.

В это же время литераторы вспоминают царя Леонида, вдохновляясь сочувственным отношением публики к освободительной борьбе греков. Лорд Байрон, обращаясь к Элладе, писал в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» (*Childe Harold's Pilgrimage*, 1812):

Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в неравный бой за Фермопилы
Шла без надежды горсть богатырей? [6].

Заканчивается это обращение почти риторическим вопросом:

И кто же вновь твои разбудит силы? [6].

³ См. каталог Лувра (http://cartelen.louvre.fr/cartelen/visite?srv=car_not_frame&idNotice=22495).

А.С. Пушкин в одном из своих писем, датированных первой половиной марта 1821 г., отвечает на этот вопрос. Делясь впечатлениями о том воодушевлении, которое он наблюдал среди этнических греков, проживавших на юге России, называет и имена героев древних и современных: «Восторг умов дошёл до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету – к независимости древнего отечества. <...> Везде собирались толпы греков, <...> все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливица Ипсиланти» [7].

В поэзии того времени стала общим местом ассоциация царя Леонида и А.К. Ипсиланти (1792–1828), сына валашского господаря. Так, немецкий поэт В. Мюллер в своей поэме «Лидеры греков» (*Lieder der Griechen*, 1822) говорит о примере трёхсот спартанцев с надеждой одержать сегодня победу греков над варварами [8, S. 13]. Ему вторит чуть позже В. Гюго, который в поэме «Три сотни» (*Les Trois Cents*, 1877) поднимает конфликт греков и персов на уровень мифологический, рисуя межцивилизационное противостояние. Царь Ксеркс, который завоевал всё на своём пути, вдруг обнаружил, что, как только он выпорол море, его триста ударов породили триста спартанцев, на стороне которых оказались Нептун и Фортуна (вообще-то должны бы быть Посейдон и Тюхе):

<...> Обиду

Отмстить велел Нептун царю их Леониду.

Элладу защищать на бой благословил –

И доблесть их узнал царь Ксеркс у Фермопил [9, с. 330].

С середины XIX и до середины XX в. образ царя Леонида практически не появляется в контексте европейского искусства. Всё, что связано с Фермопилами, продолжалось в виде «спартанского мифа» в политических и историографических практиках. Политическую историю этого мифа достаточно внимательно рассмотрел И. Талек [10, р. 213–296]. В качестве некоторого дополнения к исследованию французского автора не можем не упомянуть очередное стереотипное использование образа Леонида в русской общественной жизни начала XX в.

В 1914 г. во время первой мировой войны В.В. Маяковский вспомнил, как за несколько лет до этого художник и поэт В. Хлебников распространял воззвание, посвящённое борьбе «между всем германством и всем славянством», обращённое к соотечественникам: «Говорят, что дух эллинов в борьбе с мидянами воскрес в современном славянстве, когда в близком будущем воскреснут перед изумлёнными взорами и Дарий Гистасп и Фермопильское ущелье и царь Леонид с его тремястами» [11, с. 45].

Напротив, во второй половине XX в. образ царя Леонида в искусстве всё больше отвечает развлекательным целям. Своеобразным символом нового (не политизированного) интереса к нему стал памятник, поставленный в 1955 г. на месте сражения спартанцев с персами. Фигура царя воплощает символику воинского героизма и имеет дидактическое значение, как и роман В. Манфреди «Щит Талоса» (*Lo scudo di Talos*, 1988), который содержит беллетризованный рассказ о событиях при Фермопилах [12]. Леонид не является главным героем повествования. В послесловии Манфреди говорит: «Меня вдохновила история двоих выживших в ужасной битве трёхсот спартанцев при Фермопилах», а главный герой романа, помощник одного из них, мальчик-илот Талос, «является полностью вымышленным персонажем» [13]. Собственно, отчасти глазами этого

юноши, отчасти за счёт авторских замечаний мы и получаем образ спартанского царя Леонида. В Спарте Талос появляется в тот момент, когда город празднует провозглашение нового царя – Леонида, сына Анаксандрида, потомка Геракла. Когда эфоры и старейшины позволили взять к Фермопилам только триста спартанцев, он лично отобрал тех, которые пойдут с ним.

Вспомним обезличенное описание Геродотом одной из атак персов на отряд Леонида. А вот как это делает романист: «Внезапно Леонид тоже отдал приказ на отступление... Увидев это, персидский военачальник... отдал новый приказ наступать... Именно на это и рассчитывал Леонид; когда его воины достигли стены, они внезапно развернулись, представ перед врагом стройными сомкнутыми рядами, создав новую линию фронта. Персы опрометчиво нахлынули хаотическими волнами, но их мгновенно кромсали на куски... В этом аду пыли и крови сплошная стена воинов, возглавляемых Леонидом, продвигалась вперёд, уничтожая всё на своём пути» [13].

Автор передаёт впечатление Талоса от сражения, модернизируя, как нам представляется, историческую реальность, поскольку дидактично приписывается юному илоту мысль о том, что это сражение за свободу многих народов. Образ Леонида по ходу повествования становится всё более трагичным. Вот он, окровавленный после отражения очередной атаки персов, приветствует своих воинов победным кличем, не зная, «что его судьба уже решена: никогда и ни за что его правительство не выведет войска с Коринфского перешейка» [13]. А когда получил от посланца Фемистокла прямое сообщение об этом и предложение уйти всем отрядом, «никак не выдавая своих чувств, он спокойно ответил:

– Ты должен передать своему командующему следующее: “Приветствую тебя! Твои слова – большое утешение для нас, потому что слово друга всегда драгоценно, даже в самые страшные минуты, но я не могу дать согласие на твоё приглашение. Мы не можем не повиноваться приказам, полученным нами. Мы будем сражаться до тех пор, пока позволяют нам наши силы, затем мы должны погибнуть с честью, как и подобает воинам”» [13]. Именно образ воина, героя, предводителя – доминанта у Манфреди: «Можно было слышать напряжённый трубный зов, сопровождаемый барабанной дробью до тех пор, пока царь Леонид с рёвом не бросился вперёд в атаку, как разъярённый зверь, с тремя сотнями эйренов позади него» [13]. Это была попытка прорваться через персидские подразделения, чтобы пробиться к Ксерксу и уничтожить его, и успех налицо: «Потрясённый, Ксеркс отдал приказ отступить» [13]. Очень красочно описывает романист последний бой. Здесь всё сосредоточено вокруг Леонида и всё ему подчинено. Образ приобретает завершённость и величие. Трагическое и героическое переплетаются, дополняя друг друга, особенно при описании гибели спартанского царя и его войска: «Измотанные, израненные уцелевшие воины подняли свои щиты, защищая умирающего царя, пока, наконец, не пали друг за другом на землю, пропитанную кровью» [13].

Показывая царя Леонида при Фермопилах, автор не может не отметить в своих «Примечаниях» извращения спартанского общества. Главный принцип – *государство значительно важнее любого из его граждан* – был доведён до крайности и для современности неприемлем. Манфреди приводит его более мягкий вариант – *жертвовать жизнью отдельного человека ради выживания*

всего сообщества. Добавим: добровольно жертвовать своей жизнью. В этом случае последняя строка романа «Такое поведение и сегодня называется героизмом» полностью соответствует тем дидактическим задачам, которые автор вольно или невольно преследовал в нём.

Героическая фигура Леонида стоит в центре фильма режиссёра Рудольфа Матэ «Триста спартанцев» (*The 300 Spartans*, 1962) (см. Т300S). Сюжет полностью сосредоточен на действиях Леонида и его противостоянии с Дарием. Так, первая же персидская атака большими силами – пехотой и скрытой ею конницей – срывается решением Леонида пропустить конницу между двумя шеренгами спартанцев и атаковать с тыла (Т300S, 01:14:25)⁴. Персы обращаются в бегство. Очень показательна сцена, которая потом переключается и в графический комикс, и в новый фильм, когда Леонид отказывается сдаться в обмен на пощаду (Т300S, 01:19:25). Спартанцы отбивают также атаку персидских колесниц и «бессмертных» – личной охраны Ксеркса. Предательство Эфиальта приводит к тому, что отряду Леонида приходится воевать на два фронта. При этом он приказывает всем войскам иных полисов и флоту Фемистокла уйти, а сам ведёт спартанцев в атаку, чтобы убить Ксеркса, но перед самой его колесницей погибает (Т300S, 01:48:10). Спартанцы выносят его тело, отказываются от пощады в обмен на тело Леонида и погибают под персидскими стрелами.

Канва событий передана практически по Геродоту, однако в фильме с целью достижения драматического эффекта сделан ряд акцентов, направленных на демонстрацию личных качеств и полководческих талантов Леонида (Т300S, 00:18:32; 00:34:14; 01:10:24; 01:17:52; 01:22:18; 01:37:33; 01:39:32). Он воистину выступает главным героем, хотя фильм и называется «Триста спартанцев». Удачно подобран актёр, сорокалетний Ричард Эган (Richard Egan), который обладал не только физической мощью (к моменту съёмок он около двадцати лет занимался восточными единоборствами), но и имел опыт участия во Второй мировой войне, на которую он отправился добровольно после бомбёжки японцами Пёрл-Харбора [14]. Образ Леонида получился убедительным и соответствующим и историческим сведениям, и мифу, сложившемуся в веках.

Сугубо развлекательные цели преследуют комикс Ф. Миллера и Л. Вэрли «300», созданный в 1998 г. (см. FB), и фильмы, сделанные на его основе З. Снайдером (2006) и Н. Мурро (2014) (см. SZ, NM). В этих произведениях рубежа XX – XXI вв. спартанский царь Леонид – стереотипный персонаж, функция, придуманная авторами и воплощённая в вымышленном контексте. Он лишён какой-либо исторической достоверности.

Подводя итог, подчеркнём, что образ царя Леонида в европейской культуре актуализируется как социокультурными условиями, так и личностными потребностями, стремлением к самореализации художника, интерпретирующего сложившийся в Античности тип. При этом неизменным остаётся восприятие его в европейском общественном сознании как героя.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00353).

⁴ Здесь и далее фрагменты кинокартины фиксируются посредством такого традиционного хронометража, как привязка ко времени – час : мин : сек. Первый кадр фильма соответствует 00:00:00.

Источники

- Hdt – *Геродот*. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/herodot/index.htm>, свободный.
- Plut. – *Плутарх*. О злокозности Геродота // Лурье С.Я. Геродот. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1438060000>, свободный.
- Plut. Vit. – *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. – М.: Наука, 1994. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/plutarch/index-sgo.htm>, свободный.
- Paus. – *Павсаний*. Описание Эллады. – СПб.: Алетея, 1996. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/pausanias/index.htm>, свободный.
- T300S – 300 спартанцев. – URL: <https://archive.org/details/300The300Spartans>, свободный.
- FB – *Миллер Ф., Вэрли Л.* 300: Граф. роман. – URL: <http://comicsonline24.ru/online-comics/comics/300>, свободный.
- ZS – *Ито Р.* The Gore of Greece, Torn From a Comic // The New York Times. – 2006. – Nov. 26. – URL: <https://www.nytimes.com/2006/11/26/movies/26ito.html>, свободный.
- NM – 300: Rise of an Empire. – URL: <http://www.300themovie.com>, свободный.

Литература

1. *Монтень М.* Избранные произведения: в 3 т. / Пер. с франц. – М.: Голос, 1992. – Т. 1: Опыты. – 384 с.
2. *Fénelon*. Dialogues des morts // Fénelon. De l'éducation des filles. Dialogues des morts. – Paris: Nelson, 1917. – P. 187–190.
3. *Glover R.* The Poems // British Poets: in 100 v. – Chiswick: C. Whittingham, 1822. – V. LXIX. – 288 p.
4. *Jung S.* David Mallet, Anglo-Scot: Poetry, Patronage, and Politics in the Age of Union. – Newark: Univ. Delaware Press, 2008. – 211 p.
5. *Coupin P.A.* Essai sur J.L. David, peintre d'histoire, ancien membre de l'Institut, officier de la Légion-d. – Paris: J. Renouard, 1827. – 64 p.
6. *Байрон Дж. Г.* Паломничество Чайльд-Гарольда // Байрон Дж.Г. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1981. – Т. 2. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ//BAJRON/child.txt>, свободный.
7. *Пушкин А.С.* В.Л. Давыдову (?). Первая половина марта 1821 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1979. – Т. 10: Письма. – URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/016.htm>, свободный.
8. *Müller L.W.* Lieder der Griechen: 2 Heft. – Dessau: C.G. Ackermann, 1822. – 37 S.
9. *Гюго В.* Три согни // Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. – Т. 13: Стихотворения. – С. 324–330.
10. *Christien J., Le Tallec Y.* Léonidas: Histoire et mémoire d'un sacrifice. – Paris: Ellipses, 2013. – 401 p.
11. *Маяковский В.В.* Россия. Искусство. Мы // Маяковский В.В. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1978. – Т. XI: Статьи, заметки, выступления (1913–1928). – С. 45–47.
12. *Manfredi V.M.* Lo scudo di Talos. – Milano: Oscar Mondadori, 1988. – URL: https://ampio.belluzzifioravanti.it/pluginfile.php/104211/mod_resource/content/1/LO_SCUDO_DI_TALOS.pdf, свободный.
13. *Манфреди В.* Спартанец / Пер. с итал. – URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/37291/Manfredi_-_Spartanec.html, свободный.

14. Ричард Эган (29.07.1921–20.07.1987) // ПомниПро: Электронный мемориал. – URL: <http://pomnipro.ru/memorypage15247/biography>, свободный.

Поступила в редакцию
22.12.16

Чиглинец Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: evgueni.tchiglintsev@kpfu.ru

Шадрин Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: shadrina_nata@list.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 992–1003

The Spartan King Leonidas I: History and Modern Times

E.A. Tchiglintsev^{*}, N.A. Shadrina^{**}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: ^{*}evgueni.tchiglintsev@kpfu.ru, ^{**}shadrina_nata@list.ru

Received December 22, 2016

Abstract

The image of the King Leonidas I was formed based on the evidence documented by Herodotus. The evidence includes all the variations of the Spartan king's image that have been reflected in the cultures of the consequent periods, especially the symbolic meaning of his image for the Greeks. Herodotus's image of Leonidas I was criticized by Plutarch (in his *On the Malice of Herodotus*) and admired by Pausanias. The appeal to the image of the King Leonidas I in the European culture of the consequent centuries is determined by the social and cultural conditions in which the need for recourse to the events of the 5th century BC appeared. Anti-tyrannical ideas and the cult of freedom as opposed to slavery inspired the artists of the 17th – 18th centuries (Henry Purcell, Richard Glover) to create their poems celebrating the heroic ideal of Leonidas I. The European Romantic poets of the first half of the 19th century were inspired by the image of Leonidas I because of their sympathy to the struggle for freedom of the Greeks (Michel Pichat, Lord Byron, and Alexander Pushkin in Russia). Victor Hugo raises the conflict of the Greeks and the Persians to the mythological level describing it as a civilizations confrontation. The image of the King Leonidas I in the European culture at the end of the 19th and the first half of the 20th centuries was revived due to world wars. In the second half of the 20th century and in the first decade of the 21st century, the image of the King Leonidas I in art to greater extent turns to the purposes of entertainment (Valerio Manfredi's novel, Rudolph Mate's movie, and especially the graphic novel by Frank Miller and the cinematographic movie by Zack Snyder titled "300" adapted from it). While the novelists describe Leonidas I as a tragic personality, the authors of the comics only invest him with functions attributable to the stereotypic visions of a hero.

Keywords: history, reception, European culture, King Leonidas I, image, public consciousness

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project no. 15-01-00353).

References

1. Montaigne M. Selected Works. *Opyty* [Of Experience]. Vol. 1, Moscow, Golos, 1992. 384 p. (In Russian)
2. Fénelon. De l'éducation des filles. Dialogues des morts. *Dialogues des morts*. Paris, Nelson, 1917, pp. 187–190. (In French)
3. Glover R. British Poets. *The Poems*. Vol. LXIX. Chiswick, 1822. 288 p.
4. Jung S. David Mallet, Anglo-Scot Poetry, Patronage, and Politics in the Age of Union. Newark, University of Delaware Press, 2008. 211 p.
5. Coupin P.A. Essai sur J. L. David, peintre d'histoire, ancien membre de l'Institut, officier de la Légion-d. Paris: J. Renouard, 1827. 64 p. (In French)
6. Byron G.G. Complete Works. *Palomnichestvo Chail'd-Garol'da* [Childes Harold's Pilgrimage]. Vol. 2. Available at: <http://lib.ru/POEZIQ//BAJRON/child.txt>. (in Russian)
7. Pushkin A.S. Complete Works. *Davydovy (?) Pervaya polovina marta 1821 g.* [To Davydov (?). First Half of March of 1821]. Vol. 10. Leningrad, Nauka, 1979. Available at: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/016.htm>. (In Russian)
8. Müller L.W. Lieder der Griechen. 2 Heft. Dessau, C.G. Ackermann, 1822. 37 S. (In German)
9. Hugo V. (1956) Complete Works. *Tri sotni* [The Three Hundred]. Vol. 13. Moscow, Gos. Izd. Khud. Lit., 1956, pp. 324–330. (In Russian)
10. Christien J., Le Tallec Y. Léonidas. Histoire et mémoire d'un sacrifice. Paris, Ellipses, 2013. 401 p. (In French)
11. Mayakovsky V.V. Complete Works. *Rossia. Iskusstvo, My* [Russia. Art. We.]. Vol. XI. Moscow, Pravda, 1978, pp. 45–47. (in Russian)
12. Manfredi V.M. Lo scudo di Talos. Milano, Oscar Mondadori, 1988. Available at: https://amplio.belluzzifioravanti.it/pluginfile.php/104211/mod_resource/content/1/LO_SCUDO_DI_TALOS.pdf. (In Italian)
13. Manfredi V.M. *Spartanets* [Spartan]. Available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/37291/Manfredi_-_Spartanec.html. (In Russian)
14. Richard Egan (July 29, 1921–July 20, 1987). *PomniPro: Elektronnyi Memorial*. Available at: <http://pomni.ru/memorypage15247/biography>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Чиглинтцев Е.А., Шадрина Н.А. Спартанский царь Леонид: история и современность // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 992–1003. ⟩

⟨ **For citation:** Tchiglintsev E.A., Shadrina N.A. The Spartan King Leonidas I: History and modern times. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 992–1003. (In Russian) ⟩